

МЕРА ВЕЩЕЙ

В САНКТ - ПЕТЕРБУРГЕ проходил совет по критике. Судя по расказам очевидцев, почти половина дня была посвящена первому номеру «Санкт-Петербургского театрального журнала». Театральные критики Питера стройными рядами выступили на защиту Льва Додина от Марины Дмитриевской — главного редактора нового журнала — и ее учеников.

Кульминацией скандала стал момент, когда М. Дмитриевской вменили в вину публикацию газеты «День». «День» высказался против вручения Госпремии русскоязычному Льву Додину за спектакль «Для веселья нам даны молодые годы», а для аргументированной дискредитации последнего сослался именно на «С.-П. театральный журнал».

Странная выходит история: вот, если Роману Должанскому не нравятся «Женитьба Фигаро» Марка Захарова, а мне политическая позиция того же Захарова, и послезавтра газете «День» вздумается нас цитировать — так мы получимся провокаторы и антисемиты? Значит, «своих» задевать нельзя? Хвалить во что бы то ни стало, защищая от мыслящих иначе — наша задача? Так образуется клановость — доводит она до того, что, поглядев на название рецензируемого спектакля и на фамилию автора, статью можно вовсе не читать.

Между тем в «С.-П. театральном журнале» действительно собрано большое количество материалов о Малом драматическом театре Додина —

произведениях. Вопрос в том только, «пробирает» или нет, боль человека в другом отзывается? Сочувствие не к героям даже, а к художнику, потерявшему мир и гармонию рождает? То есть сумел ли Художник свое состояние передать другому. А что, от башлачевских песен всем жить хотелось и радоваться? Да, Боже упаси! Такая тоска наваливалась, сил не было терпеть: «Пососали лапу — поскрипим лаптами, к свету — по этапу, к счастью — под плетями». Все имеющие уши слышали, как человек пропевал свою депрессию и будущее самоубийство, а остановить не смогли.

Я не зря Сашино имя вспоминаю. В статье самой Марины Дмитриевской в косвенной форме Додину предъявлено обвинение в том, что он причастен к самоубийству артиста. Вообще такими вещами занимается обычно следствие, а не театральная критика. К тому же, сами журналисты, близкие к Малому драмтеатру, судя по их статьям, видели, в каком состоянии находился Осипчук. Что же не уберегли, и отчего ищут виновных на стороне? Как-то неблагоприятно.

Конечно, вопрос об отношениях режиссеров-педагогов со студентами, система воспитания актера в институте и в театре — серьезная тема для исследования. Всем известно, что многие как бы театральные коллективы напоминают вовсе не профессиональные труппы и не лаборатории даже, а секты. Говорят и об опасности такого рода экспериментов. В любой работе существуют правила техники безопасности — на заводе, в шахте, при подводном спуске... Да, часто интересных результатов добивались те мастера, что превращали свои студии в культовые объединения, где человеческая личность тоже становится объектом безнравственных манипуляций. Но ведь и добыча угля в шахте, отмени правила техники безопасности, тоже могла бы вырасти. Нужны ли человеческие жертвоприношения во имя открытия новых возможностей человеческого тела, голоса, реакции? Ради гениального спектакля, наконец? И насколько сознательно режиссеры воздействуют на весьма подвижную актерскую психику?

Это — проблемы для долгого, сложного, научного разговора. И уж во всяком случае первыми должны быть заслушаны обвиняемые (режиссеры) и их «жертвы» (актеры). Иначе получится только скандал и никакого неба.

Марина ТИМАШЕВА.

Никакого неба

и рецензий, и актерских портретов, и проблемных статей. Есть более и менее удачные, но почти все написаны слишком страстно для заданного — аналитического, профессионального — уровня разговора. Складывается впечатление, что авторы всех без исключения статей Додина боготворили, видели в нем Мессию и Гуру, а теперь с неистовостью вероотступников кланут Учителя за предательство идеалов — этических и эстетических.

Трудно судить о том, насколько Додин себе изменил — я не знаю его столь близко, как петербуржцы. Последний его спектакль понравился не слишком («ЭС», № 12), но ни ярости, ни раздражения не вызвал. Вряд ли в том, что произошло между ним и определенной частью петербургской критики, виновен один Додин — не стоило творить себе кумира и требовать от живого человека стать им. Довольно комично звучат и многочисленные «попреки» Додину в том, что его труппа не вылезает из загранок. Вот ведь и театр «Дерево» провел немало времени вдали от Родины, а вернулся — все признают — краше прежнего. Что ж на Запад пенять...

Ругают Додина и за то, что в «Стройбате» его — одна грязь, и в «Любви под вязами» — «неба нет», и не то, чтобы любви, но и жалости к героям не обнаруживается. Да ведь что в душе у человека — то и в его